
Т. В. Гимон, В. В. Тишин

ТЮРКСКАЯ ФОРМУЛА ПРИВЕТСТВИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ (ПОСОЛЬСТВО ПОЛОВЦЕВ К СВЯТОСЛАВУ ОЛЬГОВИЧУ В 1147 г.)¹

Ипатьевская летопись под 1147 г. сообщает о прибытии к Святославу Ольговичу послов от его половецких уев (дядьев по матери), которые проносят следующее: «Прашаемъ здоровья твоего. А коли ны велишь к собѣ со силою прити?». Цитирование прямой речи послов — характерная черта текста Ипатьевской летописи начиная со второй половины 1140-х гг. Как показывает ряд наблюдений Д. С. Лихачева, А. А. Зализняка и М. Л. Лавренченко, летописцы стремились (по крайней мере, в большинстве случаев) достоверно передавать реальные политические заявления (хотя и не обязательно перед нами протокольная запись, сделанная по горячим следам событий). Анализ процитированной речи половецких послов подтверждает этот тезис: «Прашаемъ здоровья твоего» — это, по всей вероятности, перевод реальной тюркской приветственной формулы. Близкие по смыслу приветственные фразы зафиксированы в «Дивъан лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгарй (1072–1074 гг.), в поэме «Кутадгу билиг» (1069–1070 гг.), в древнеуйгурских эпистолярных памятниках IX–XIV вв., а также в ряде современных тюркских языков.

Ключевые слова: Древняя Русь, половцы, тюрки, летописи, дипломатия, приветственные формулы

В Киевском своде (далее: КС)², в статье 6655 (1147) г., сообщается о прибытии к князю Святославу Ольговичу половецкого посольства:

---

¹ Благодарим А. А. Гиппиуса, М. Л. Лавренченко, Б. З. Нанзатова, Б. Е. Рашковского и А. С. Щавелёва за полезные замечания.

² Киевским сводом, или Киевской летописью, называют «среднюю» часть Ипатьевской летописи, сложносоставный текст за 1110–1190-е годы, в окончательном виде сложившийся под пером киевского книжника рубежа XII–XIII вв. Ипатьевская летопись дошла до нас в двух основных списках, восходящих общему утраченному протографу: Ипатьевском (Ипат.) начала XV в. и Хлебниковском (Хлебн.) XVI в., а также в ряде более поздних, восходящих к Хлебн. См. важнейшие издания и предисловия к ним: ПСРЛ. Т. 2; КЛ 2017.

Святослав же пришедь, ста у Нериньска³. И тогда придоша к нему сли⁴ ис Половецъ, от уев⁵ его, съ Василемъ Половчиномъ⁶, 60 чади⁷, прислалися бяхуть, тако рекуче: «Прашаемъ здоровья твоего. А коли ны велишь к собѣ со силоу прити?» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341; КЛ 2017. С. 107, л. 125г.11–20).

Перевод: Святослав же, придя, остановился у Неринска. И тогда пришли к нему послы от половцев, от его дядьев [по матери], с Василем Половчином, 60 человек, [которых] прислали с такими словами: «Спрашиваем о твоём здоровье⁸. А когда ты велишь нам к тебе прийти с войском?».

Цитирование прямой речи послов — характерная черта КС, многократно обращающая на себя внимание ученых. По нашему подсчету, в тексте КС за 1140–1190-е гг. содержится 270 подобных посланий/посольских речей (Гимон 2018). Наибольшая их концентрация приходится на статьи за вторую половину 1140-х — первую половину 1150-х гг., хотя немало их и позже. Послания могут быть как краткими (например, знаменитое «Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ» — древнейшее упоминание Москвы — чуть ранее в той же статье 1147 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339)), так и весьма пространными, насыщенными различными дипломатическими формулами. В абсолютном большинстве случаев речь идет о посланиях, которыми обменивались князья Рюриковичи, но иногда

³ Судя по контексту, городок на Средней Оке: Святослав из Москвы «взвратиси к Лобыньску и оттуду иде къ Нериньску, и перешедъ Оку, и ста» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340). Других упоминаний Неринска нет (Зайцев 2017. С. 155).

⁴ В Ипат. «над строкой чуть более яркими чернилами написано **по**»; в Хлебн. — «послы» (КЛ 2017. С. 106).

⁵ *Уй* — дядя по матери. Мать Святослава, несомненно, была половчанкой. Считается, что отец Святослава, Олег, был женат на дочери хана Осолука, поскольку под 1146 г. упомянут *уй* Святослава «Тюнрако (в Хлебн. — Тюнракови[ч]) Осулукович» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334; КЛ 2017. С. 96–97, л. 123б.24–25). О существующих здесь сложностях и о других упоминаниях половцев с похожими именами см.: Литвина, Успенский 2013. С. 224–226. О роли *уев* в домонгольской Руси см.: Лавренченко 2018а.

⁶ В Ипат. *ц* переделано в *ч* «чуть более темными чернилами»; в Хлебн. — *ч* (КЛ 2017. С. 106). О Василе Половчине других сведений нет; он мог быть как половцем, так и русским, носившим такое прозвище. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский (2013. С. 213–215, 228–229) считают первое несколько более вероятным, полагая, что Василь мог быть знатным половцем (рангом ниже князя), главой прибывшей к Святославу делегации, хотя не исключают и второго.

⁷ Чадь — люди; «свои кому-либо, товарищи, дружина» (Срезневский 2003. Т. 3. С. 1469–1470).

⁸ О правомерности именно такого перевода пойдет речь ниже.

адресантами либо адресатами выступают городские общности (например, киевляне), представители светской и церковной элиты Руси, правители иностранных государств (чаще всего — король Венгрии). Имеются и два послания русским князьям от половцев, одно из которых только что было процитировано⁹.

Главный вопрос, волнующий ученых в связи с этими посланиями, — были ли они устными или письменными. У обоих взглядов были и есть свои сторонники¹⁰. Наиболее взвешенной видится позиция М. Л. Лавренченко (Лавренченко 2018б. С. 159–163, 168, 176): летописцы описывают обмен посольствами, несомненно, как изустный ритуал, публичность которого, равно как и высокий статус слов, служили гарантией выполнения соглашений; нельзя исключать, что послы могли иметь при себе (и вслух зачитывать) письменные послания, но изустный ритуал все же был первичен¹¹. Заслуживает также всяческого внимания мысль С. Франклина (Франклин 2010. С. 299–301) о том, что роль письменной фиксации переговоров и соглашений брала на себя сама летопись. В случае с половцами, конечно, трудно себе представить письменный текст; скорее всего, послы просто озвучили то, что им было поручено сказать.

Для нас важно другое. Целый ряд наблюдений над посланиями КС показывает, что перед нами в большинстве случаев (хотя вряд ли во всех) не литературный конструкт¹². Летописцы

---

⁹ Второе — под 6680 (1172) г. Половцы отправили послов к Глебу Юрьевичу со словами: «Бог посадилъ тя и князь Андрѣи на отчѣнѣ свои и на дѣдинѣ въ Киевѣ. А хоцѣмъ с тобою рядъ положить межи собою, и внидемъ в роту, а ты к намъ, да ни мы начнемъ бояться васъ, ни вы насъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 555; КЛ 2017. С. 397, л. 198б.22–28). *Перевод*: «Бог посадил тебя, и князь Андрей, в твоей отчине и дедине, в Киеве. А мы хотим с тобой заключить договор, и принесем клятву, а ты — нам, и да не будем мы бояться вас, а вы — нас».

¹⁰ См. историографические обзоры: Франчук 1986. С. 109–112; Гимон 2018. С. 64–66; Лавренченко 2018б. С. 155–162. В них не учтена важная статья: Дашкевич 1991 (автор настаивает на устном характере самих посланий, но допускает существование верительных грамот). Ср. также ситуацию в Норвегии, где источники XIII в. ретроспективно отражают эволюцию коммуникации правителей — от устной к письменной: Джаксон 2019.

¹¹ В том, что русские князья могли обмениваться письмами, разумеется, тоже нет сомнений: берестяные письма известны с середины XI в.; в Лаврентьевской летописи до нас дошло послание Мономаха Олегу Святославичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252–255); во множестве найдены древнерусские свинцовые печати, которые, помимо прочего, могли скреплять письма (Каштанов 1974. С. 180–183; Франчук 1986. С. 152–156; Франклин 2010. С. 309).

¹² Вопреки: Вилкул 2019. С. 298–299. Исследовательница указывает на случаи микроцитирования в «посланиях» переводных источников, а следовательно — на

середины — второй половины XII в., чьи записи отразились в КС, стремились зафиксировать реальные переговоры политических деятелей, стараясь точно передавать не только смысл, но и форму их заявлений. Как конкретно это делалось — другой вопрос. Летописцы могли копировать письменные послания (если таковые были); могли протоколировать посольские речи; могли, зная общий смысл заявленного и использовавшиеся при этом речевые формулы, имитировать форму посольской речи¹³; в каких-то случаях, может быть, они могли имитировать ее недобросовестно, приписывая участникам политического процесса высказывания, которых те в действительности не делали. Однако в любом случае налицо установка киевских летописцев XII в. на протоколирование реальных переговоров. Цитируя речи/послания, книжники использовали реальные эпистолярные и политические формулы — либо те, которые были в действительности произнесены, либо, может быть, те, которые должны были быть произнесены, насколько представлял себе дело летописец. Этот вывод основан на следующих наблюдениях.

литературное происхождение первых. См. возражения: Гимон 2018. С. 66, 70, примеч. 2. М.Л. Лавренченко (Лавренченко 2018б. С. 163) допускает, что сама идея цитировать послания возникла у летописцев под влиянием «Александрии» и других переводных текстов, однако настаивает (справедливо, на наш взгляд), что это не отменяет установки летописцев на достоверность протоколирования реальных переговоров. В указанных работах, однако, не учтено еще одно важное наблюдение Т.Л. Вилкул: в посланиях Изяслава Мстиславича брату Ростиславу под 1147 и 1152 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347, 359, 455, 459) Великий Новгород отнесен к сфере влияния последнего, что исторически неверно, однако хорошо может быть объяснено взглядами составителя КС рубежа XII–XIII вв. (Вилкул 2003. С. 59; Вилкул 2004. С. 64, примеч. 5; см. также: Мушар 2011. С. 140–145). Этот пример показывает, что в некоторых случаях княжеские послания все-таки могли редактироваться, если не сочиняться, создателем КС. Т.Л. Вилкул указывает на еще один возможный пример анахронизма в послании КС, под 6658 (1150) г., где летописец «запутался, наращивая детали, и упустил общий порядок действий» (Вилкул 2003. С. 58–59). Сопоставление текстов КС и Лаврентьевской летописи тоже говорит о том, что как минимум в двух случаях кто-то из летописцев достаточно вольно обошелся с текстом послания (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 335, 345; Т. 2. Стб. 443, 478, под 6659 [1151] и 6663 [1155] гг.).

¹³ Есть один случай, когда одно и то же послание (Рюрика Ростиславича к Всеволоду Юрьевичу) процитировано независимо в киевской и владими́ро-суздальской летописях (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413; Т. 2. Стб. 686, под 6705 [1197] и 6703 [1195] гг. соответственно). Совпадают общий смысл и некоторые формулы, но в остальных текстах разные. Значит, как минимум один из двух летописцев достаточно вольно точный текст устного или письменного послания, но лишь передал, как мог, его общий смысл.

1) Как отмечал Д.С. Лихачев, словесные формулы, использованные в посольских речах, воспроизводятся дословно в тех случаях, когда, например, участники политического процесса ссылаются на более ранние переговоры, или повторяются потом адресатом послания, как бы цитируются в следующей «речи». Летописцы, следовательно, цитируют формулировки, которые «считают установившимися и как бы закрепленными применительно к отдельным фактам» (Лихачев 1986. С. 146–148, цит. с. 146).

2) Как показал А.А. Зализняк (2004б. С. 51, 63; 2008. С. 23–24, 194–195), послания КС по некоторым лингвистическим параметрам радикально отличаются от окружающего летописного текста и, наоборот, сближаются с берестяными грамотами.

3) Такое же сходство с берестяными грамотами прослеживается в использовании эпистолярных формул, терминов родства в переносном значении и некоторых других особенностях текста (см.: Лавренченко 2016. С. 166–167; 2018б. С. 162–163).

4) Как показывает М.Л. Лавренченко (2018б. С. 171–173, 176–177), некоторые важные особенности посланий КС (такие как использование тех или иных формул, насыщенность конкретными деталями и т.д.) эволюционируют со временем (различаясь в статьях за 1140–1150-е и за 1170–1190-е гг.). Объяснить это проще всего тем, что такую эволюцию княжеские «послания» претерпели в реальности, постепенно двигаясь в направлении от яркой формульности к конкретной информативности.

При том что КС — это компилятивный памятник рубежа XII–XIII вв., в котором многое принадлежит руке самого сводчика (см.: Вилкул 2019. С. 232–299), достаточно очевидно, на наш взгляд, что в его основе лежит киевская летопись, ведшаяся на протяжении XII в. (ср.: Приселков 1996. С. 93–95; Аристов 2011. С. 117–118, 130–135; Гимон 2018. С. 67)¹⁴. Также сводчиком привлекались источники из других городов (черниговский, суздальский и т.п.). Хотя в каких-то случаях, вполне возможно, создатель КС вторгался в текст посланий и даже теоретически мог сочинить некоторые из них «с нуля»¹⁵, большинство их все же с высокой вероятностью зафиксированы летописцами — современниками событий.

---

¹⁴ По мнению Т.В. Гимона (статья готовится к публикации), основная киевская летопись велась на протяжении XII в. в Киево-Печерском монастыре, смены игуменов которого оказываются синхронны изменениям в характере летописания.

¹⁵ См. выше примеч. 12.

Иногда как будто удается разглядеть черты «эпистолярного стиля» отдельных деятелей. Так, В.Ю. Франчук (1986. С. 145) отмечала, что послания князя Вячеслава Владимировича отличаются витиеватостью, а Юрия Долгорукого — краткостью. Для посланий того же Вячеслава характерна формула приветствия «Богъ ти (вы) помози» (Гимон 2018. С. 67). Особенностью писем Рюрика Ростиславича (конец XII в.) является сочетание в формуле приветствия терминов «брат» и «сват» — черта, «заимствованная его союзниками в их ответах» (Лавренченко 2018б. S. 172). Как показывает М.Л. Лавренченко, есть различия между посланиями русских князей друг другу и их «перепиской» с западными союзниками, которые, что интересно, проявляются в разные периоды — и в середине, и в конце XII в. (Там же. С. 165–173, 176–177). Н.А. Мещерский (Мещерский 1988. С. 173, со ссылкой на консультацию А.А. Бурыкина) осторожно писал о том, что своеобразный синтаксис одного из посланий короля Венгрии Гезы II (6658 [1150] г.; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407) свидетельствует о переводе с венгерского языка¹⁶. В этом смысле очень интересно, что одно из двух приводимых в КС посланий русским князьям от половцев начинается с уникальной, более в КС не встречающейся формулы приветствия: «Прашаемъ здоровья твоего». Не может ли эта формула быть славянским переводом реального тюркского приветствия?

Прежде чем перейти к поиску ответа на этот вопрос, необходимо сделать еще одно текстологическое и одно лингвистическое замечание.

Текстологическое замечание касается места рассматриваемого пассажа в КС. Дело в том, что интересующее нас известие о посольстве половцев относится к той части статьи 6655 (1147) г., в центре которой находится Святослав Ольгович, представитель черниговской ветви Рюриковичей, князь Новгород-Северский, на тот момент изгнанный из своих владений и перемещавшийся по северным окраинам Чернигово-Северской земли. Главный враг Святослава в это время — киевский князь Изяслав Мстиславич, союзник — суздальский князь Юрий Долгорукий. В начале статьи 1147 г. описывается встреча Святослава и Юрия в Москве, затем — подробно переговоры Святослава с различными союзниками, включая несколько групп половцев. Приводится очень много

---

¹⁶ Мещерский тут же делает оговорку: «возможно, что венгерская переписка велась на славянском языке». В пользу последнего говорит то, что мать Гезы была славянкой (Франчук 2018. С. 319).

деталей (топонимы, имена и т.п.), связанных с перемещениями и переговорами этого князя.

В историографии неоднократно высказывалась мысль, что одним из источников КС была черниговская летопись либо личный летописец Святослава Ольговича (Приселков 1996. С. 89–93; Насонов 1969. С. 91, 101–107; Вілкул 2004; Аристов 2011. С. 125–127; Чугаева 2018. С. 89–92 и сл., 180–209; см. также историографические ссылки: Чугаева 2018. С. 12–28, 180–181)¹⁷. Не споря с этим, обратим внимание, что для фрагментов, относящихся к Святославу (со статьи 6654 [1146] г.), характерно почти столь же частое цитирование посольских речей (включая интересующую нас речь половецких послов), что и для рассказов о переговорах киевского князя Изяслава Мстиславича начиная с той же самой погодной статьи¹⁸. Вряд ли это случайное совпадение. Одно из двух: либо «летопись Святослава Ольговича» восприняла идею подробного протоколирования переговоров одновременно с киевской (под ее влиянием?), либо рассказы, связанные со Святославом, все-таки тоже принадлежат киевскому летописцу, который задался целью максимально полно и многосторонне осветить сложные политические взаимоотношения этих лет¹⁹. В последнем случае необходимо предпо-

¹⁷ В пользу отнесения интересующего нас фрагмента статьи 6655 г. к этому источнику говорит его отсутствие (как и многих других связанных со Святославом фрагментов) в Лаврентьевской летописи, текст которой в сокращенном виде (но зачастую более точно) передает памятник, протографичный по отношению к КС и, по общему признанию, еще не имевший черниговских вставок (см.: Насонов 1969. С. 91, 101–107; Вілкул 2004; Аристов 2011. С. 125; Вілкул 2019. С. 234–267). А.Н. Насонов (1969. С. 106) прямо называет интересующий нас фрагмент среди заимствований КС из черниговского источника.

¹⁸ Правда, среди посланий Святослава (или Святославу) нет столь объемистых, как в «переписке» Изяслава Мстиславича, но их концентрация тоже значительна. Позже соотношение меняется в пользу «переписки» Изяслава Мстиславича. В статье 6654 (1146) г. 12 посланий, где адресантом либо адресатом выступает Изяслав Мстиславич, и 10 — где в аналогичных ролях выступает Святослав Ольгович; в 6655 (1147) г. — 12 и 4 соответственно; в 6656 (1148) г. — 6 и 3; в 6657 (1149) г. — 15 и 7; в 6658 (1160) — 17 и 0; в 6659 (1161) г. — 13 и 3; в 6660 (1152) г. — 14 и 1.

¹⁹ Третий вариант — все посольские речи сочинил на рубеже XII–XIII вв. создатель КС, соединивший воедино киевский и черниговский материал, — считаем маловероятным по указанным выше основаниям, хотя полностью исключать возможности его вторжения в текст не приходится (см. выше, примеч. 12). Т.Л. Вілкул (2019. С. 267) склонна связывать внимание КС к Святославу Ольговичу с ситуацией рубежа XII–XIII вв., «когда семьи Рюрика Ростиславича, Игоря Святославича и Всеволода Юрьевича породнились», но вряд ли этим можно объяснить появление в летописи деталей перемещений Святослава и его переговоров (особенно с половцами) в 1147 г., которые ученые (включая саму Вілкул: Там же. С. 266)

ложить, что киевский летописец заполучил от кого-то подробные устные или письменные сведения о перемещениях и переговорах этого князя, в чем, разумеется, нет ничего невозможного²⁰.

В любом случае, как бы ни решать вопрос о происхождении связанных со Святославом Ольговичем рассказов статьи 6655 (1147) г., ясно, что она относится как раз к той части КС, где междукняжеская дипломатия протоколируется подробнее всего и где наблюдается наибольшая концентрация посольских речей, а для их цитирования характерна *установка на достоверность*. Поэтому не так уж и важно, присутствовал ли летописец лично на переговорах Святослава с Василем Половчином, имел ли он об этой встрече какой-то письменный источник либо свидетельство очевидца, и даже — был ли он современником события. Летописец мог и «реконструировать» речь послов — но применить при этом известную ему формулу приветствия, обычно использовавшуюся половцами в сношениях с русскими князьями²¹.

Лингвистическое замечание касается нашего перевода слов «Прашаемъ здоровья твоего» — ‘Спрашиваем о твоём здоровье’²². А.А. Потебня (1968. С. 243) — впрочем, с долей неуверенности — в свое время предлагал понимать выражение *здоровие твое* в смысле почтительного обращения половцев к Святославу (вроде *твоя милость* или *ваши величество*). Перевод в таком случае был бы: ‘Спрашиваем Твое здоровье о том, когда ты велишь

единодушно возводят к записям современника. Четвертый вариант на обсуждении нашего доклада 2 октября 2019 г. предложила М.Л. Лавренченко. Цитирование «посланий», хотя и в сильно меньшем объеме, присутствует уже в статьях 6648–6652 (1140–1144) гг., за время правления в Киеве Всеволода Ольговича, брата Святослава. Дальше же произошло «разветвление» этой традиции: ее продолжили и киевский летописец, и автор, близкий к Святославу.

²⁰ Отметим, что в 1148 г. в Чернигове был заключен мир между Изяславом Мстиславичем и коалицией князей, в которую входил Святослав Ольгович. Одним из послов Изяслава на переговорах был Феодосий II, игумен Киево-Печерского монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 365–366), с личностью которого предположительно можно связать перемены, произошедшие во второй половине 1140-х годов в содержании киевской летописи, и в том числе наиболее яркую из них — начало обильного цитирования посольских речей (Гимон 2018. С. 67, 70, примеч. 6; и выше, примеч. 13).

²¹ Ср. об этом известии: «Летописец выступает здесь как очевидец (или, во всяком случае, он достаточно хорошо осведомлен, чтобы имитировать позицию очевидца) союзнических переговоров князя со степняками...» (Литвина, Успенский 2013. С. 210).

²² Кстати, так же понял эти слова создатель Московского летописного свода конца XV в.: «...прислали бо ся к нему бяху, выпрашающе здоровья его, и глаголаша к нему: “когда велишь нам...”» (ПСРЛ. Т. 25. С. 40).

нам к тебе прибыть с войском?»²³. В качестве более уверенного примера того же ученый приводил другую посольскую речь — на этот раз из Галицко-Волынской летописи — обращение ятвягов к Владимиру Васильковичу: «Господине княже Володимере, приехали есмь к тобѣ ото всихъ ятвязь, надѣючесь на Богъ и на твое здорвие...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 879, под 6787 [1279] г.).

Хотя для XVII в. действительно имеются примеры использования выражения *твое здорвие* в качестве почтительного обращения²⁴, а глагол *прашати* и впрямь мог управлять родительным падежом существительного, обозначавшего не только объект вопроса, но и того, к кому вопрос обращен²⁵, интерпретация А. А. Потební все-таки принята быть не может.

Во-первых, словари не фиксируют для союза *а* значения «о том», тогда как его употребление в качестве маркера начала прямой речи (либо начала основной части прямой речи, после обращения или приветственной формулы) засвидетельствовано хорошо — в том же КС²⁶, берестяных грамотах XII в. (Зализняк 2004а. С. 299)²⁷ и др.²⁸ Следовательно, «Прашаемъ здорвоя твоего» —

²³ У А. А. Потební процитировано так: «Прашаемъ здорвоя твоего (если в смысле не “спрашиваем о твоём здорвие”, а “спрашиваем тебя”), а (если не в смысле соединительного союза, а = о том) коли ны велишь к собѣ со силоу прити?».

²⁴ «Да что и писал к твоему здорвью обь соли...» (1674 г.); «И евнухи опихивают твоё здорвие, чтобы мухи не кусали великого государя» (1677 г.) (СлРЯ. Т. 5. С. 365). В. И. Даль указывал, что «твое здорвие» — это «почет или величанье, употребл[яемое] крестьянами» (Даль 1978. Т. 1. С. 675). Из ранних контекстов, может быть, ближе всего: «велегласно похвалиша Бога, и святого Михаила, и великого князя сдорвие» (КС под 6708 [1200] г. — КЛ 2017. С. 579, л. 244а.3–5).

²⁵ В «Вопрошании Кирика» (1140–1150-е годы, список конца XIII в.): «Прашахъ владыкы, аще...» (Древнейший список 2014. С. 246, л. 5186; ср. с. 284, л. 537а; с. 285, л. 537г). Благодарим А. А. Гиппиуса, обратившего на это наше внимание.

²⁶ «А чешьскый князь рече ему: “А я готовъ есмь самъ полкы своими”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385); «...и рече ему: “Отце, кланяю ти ся. А чо ми Богъ отца моего Мистислава отял...”» (Там же. Стб. 417); «и рекоша мужи Олгови: “Княже, а то ли ти добро есть...”» (Там же. Стб. 513); «Рюрикъ же рече: “Брате, а про что...”» (Там же. Стб. 541). Ср.: Там же. Стб. 471, 483, 462, 464, 472, 495, 510, 536, 537, 543, 547.

²⁷ «Отъ Завида къ мьн къ женѣ и къ дѣтемъ. А жену ти били не измучили...» (№ 156); «...(покланяние и к брату. А водае и Бога дея съ 5 гривь(нь)...)» (№ 296); «От Мирослава к Олисьеви ко Грицину. А ту ти вьнидьте Гавько Полоцанино, прашаи его...» (№ 524); «От попа от Минь ко Грицину. А буди семо ко Петрову дени...» (№ 558); «а Ратьево молви: “А и жито еси показаль...”» (№ 665) (Зализняк 2004а. С. 298, 366, 405, 407, 433).

²⁸ «Онъ же отвѣща: “Любимая чада, а не видесте ли старшнаго и славнаго мужа сдѣ стояща”» (Пролог 1383 г. — СДРЯ. Т. 1. С. 70).

это именно приветственная формула, синтаксически не связанная с последующим сообщением.

Во-вторых, к приведенному А. А. Потебней примеру — речи ятвяжских послов — была позднее обнаружена намного более близкая аналогия в берестяной грамоте № 304 (начало XV в.): «в Бозѣ гадка да в вашемо здоровиѣ». А. А. Зализняк переводит эти слова так: ‘на Бога надежда да на вас (на вашу силу)’, ставит этот документ в один ряд с другими, где выражается надежда на помощь Бога и адресата, а также указывает на сходство с процитированной речью ятвягов (Зализняк 1986. С. 181; см. также: Зализняк 2000. С. 96–97). В речи ятвягов и в грамоте № 304 *твое (ваше) здоровье* — это не форма почтительного обращения, а обозначение силы и власти адресата, которые, как надеется адресант, помогут решить его проблему. В берестяных грамотах есть и другие примеры употребления слова *здоровие* в таком значении²⁹. В речи половцев 1147 г. подобного смысла не прочитывается. Половцы не ждут от Святослава Ольговича решения какого-либо вопроса. Наоборот, они предлагают ему военную помощь в трудный для него момент.

У нас есть древнерусские примеры того, как адресант осведомляется у адресата о его *здоровии* (вероятно, не только о здоровье в медицинском смысле, но о благополучии³⁰). В том же КС, под 6656 (1148) г., в завершение «послания» Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу, сказано: «и тебе, брате, прашаю, въ здоровьи³¹ ли еси, и што ти тамо Богъ помогаетъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 363; КЛ 2017. С. 135, л. 132г.16–18). В берестяной грамоте № 854 (середина XII в.) содержится просьба: «Из ърмице ка въспиши ми грамътицю о свьемъ стървьье и о дѣтъхъ» [пер. А. А. Зализняка: ‘Из деревни (букв.: с пахоты или с пахотного поля) напиши-

²⁹ «...а земля, господине, сама ся окупить твоимъ здоровьемъ», т.е. ‘благодаря твоей силе, успешности, благосостоянию’ (№ 104, XIV в. — Зализняк 2004а. С. 639); «ионѣ, осподо, подовалъ ес[м]и пожни вашимъ здоровьемъ», т.е. ‘я теперь, господине, порадовалъ пожни (пахотные земли. — Т.Г.) от вашего имени’ (№ 962, XV в. — НГБ-ХП. С. 69–70, 73). Ср. также приводимый И. И. Срезневским (2003. Т. 1. Стб. 967–968) пример из псковской летописи: «Князя великого здоровьемъ (воевода) с Нѣмци управу взялъ» (под 6971 [1463] г.).

³⁰ В КС есть контексты, в которых князья либо радуются преодолению каких-либо неурядиц («в здоровии»), либо рады видеть кого-либо «в здоровии» (КЛ 2017. С. 135, 143, 197, 261, 269, 545, л. 132г.15, 134г.5, 148б.4–5, 164а.3–4, 6–7, 166а.13–14, 235в.19; ср.: Там же. С. 243, 459, 469, л. 159г.27, 214б.8, 216г.19).

³¹ Так к Хлебн., в Ипат.: «въ здоровъ».

ка мне в ответ грамотку о своем здоровье и о детях’] (Зализняк 2004а. С. 323). Есть и примеры того, как адресанты берестяных писем сами пишут адресатам о своем *здоровии*, может быть, отвечая на соответствующий вопрос³².

В этом смысле вопрос половецких послов вполне укладывается в собственно древнерусскую практику. Однако, во-первых, в нем использован не встречающийся в других случаях оборот («Прашаемъ здоровья твоего») и, во-вторых, только здесь этот оборот выполняет функции вводной, приветственной формулы — причем в сообщении сугубо делового характера. Приступим поэтому к поиску аналогий данной формуле в речевых практиках средневековых тюркских народов.

* * *

Совокупность тюркоязычных племен, которых восточные (мусульманские) авторы именовали *кыпчаками*, а в Европе знали под именем *куманы*, одной из калек которого было древнерусское *пóловцы*, разумеется, не представляла собой гомогенного образования. Создававшиеся ими, по крайней мере, со второй половины XI в., на всей территории от Семиречья до Нижнего Дуная политические объединения были эфемерными образованиями, возглавляемыми влиятельными кланами, и включали в свой состав племенные группировки самого различного происхождения.

Об отличительных особенностях кыпчакского наречия впервые дает представление сочинение Махмұда ал-Қашғарұ «Дүвән лугāt ат-турк» («Собрание тюркских слов»), написанное в 1072–1074 гг. на арабском языке³³. О существовании диалектных особенностей внутри кыпчакского конгломерата более всего свидетельствуют другие дошедшие до нашего времени источники. Кроме специальных тюрко-арабских и арабско-тюркских словарей и грамматик, составленных в XIV–XV вв. в мамлюкском Египте и регистрирующих только лексику кыпчакских и некоторых других тюркских наречий, важнейшее значение имеет такой письменный памятник, как «Codex Cumanicus». Две его разновременные

³² № 950 (рубеж XI–XII вв.), 1000 (XII в.), 1009 (XII в.), 1012 (XII в.) (НГБ-ХП. С. 44–45, 99, 109, 111), причем в грамоте № 1000 это единственное содержание, если не считать обозначения адресантов и адресатов во вводной формуле: «От Къяса и от Жироцька къ Твьрдяте и къ Ивану. Сто(ро)ва ти есве» (т.е. ‘мы-то двое здоровы’. — Там же. С. 99).

³³ О наречии кыпчаков в «Дүвән лугāt ат-турк» см.: Toprak 2003; Alimov 2011.

части, написанные во второй половине — начале 1290-х годов и ок. 1330–1340 гг., сохранившие, соответственно, латинско-персидско-куманский глоссарий и целостные фрагменты куманских текстов, фиксируют два диалекта, бытовавших на территории, по крайней мере, от северопричерноморского побережья до нижней Волги (EDT. P. xxiv–xxvi; Golden 2011). Также о лингвистической неоднородности куманов-кыпчаков можно судить по сохранившимся в источниках антропонимам (Rásonyi 1973) и этнонимам (Golden 1995–1997).

«Codex Cumanicus» мог бы представлять непосредственный интерес для нас в связи с локализацией той группы половцев, от которых прибыло посольство к Святославу Ольговичу. Они принадлежали к той группе племен, которую древнерусские летописцы именуют «дикими» половцами. Их владения располагались вдоль рр. Дон и Донец, доходя на севере до границ Рязанского княжества, на юге — до Тмутаракани. Это по меньшей мере три группировки, которые сотрудничали с тремя ветвями рода Рюриковичей — Ольговичами, Давыдовичами и домом Владимира Мономаха (Golden 1979–1980. P. 298 ff.). Однако все, что можно извлечь из «Codex Cumanicus» как единственного источника, предоставляющего прямую информацию о языке восточноевропейских кыпчаков, в плане лексики, связанной с приветствиями, неудовлетворительно. В итальянской части памятника, которую именуют «Книгой переводчика», латинскому *salutatio* и (ново)персидскому *salām* (< ар.) соответствует куманское (*sic!*) *salam* (Codex Cumanicus 1981. P. 57, 294, 336), т.е. арабизм, проникший, очевидно, среди прочих в среду крымских половцев как следствие «значительного мусульманского политического, торгового и религиозно-культурного влияния» (Golden 2011. P. 361). Там же, в словаре, дан ряд производных конструкций, связанных с нанесением визита или приветствием, сводящихся к сочетанию *salam ber-*, буквально ‘*salam* давать’ (Codex Cumanicus 1981. P. 57). Эта конструкция, получившая распространение в тюркоязычной мусульманской среде вообще (см., например: Keskin 2017. S. 130, 137), является, разумеется, следствием относительно поздних культурно-исторических процессов.

Отсутствие прямых сведений о приветственных формулах у куманов-кыпчаков в известной степени можно компенсировать путем привлечения сравнительного материала — письменных памятников из других областей тюркского мира, а также данных из живых тюркских языков.

Ключевым источником для нас выступает «Дивāн лугāt ат-турк» Махмӯда ал-Қāшгарī, который «зафиксировал диалектные различия той поры, дав, по существу, первый в истории тюркской филологии очерк диалектологии своего времени» (ДЛТ 2010. С. 47). Собрав значительный языковой материал, в начале своего труда он специально описывает принципиальные диалектные особенности той или иной обозначенной им группы тюркских племен, связанные, прежде всего, с фонетикой и морфологией. Попутно обращаясь к этим моментам в собственно словарной части, Махмӯд ал-Қāшгарī также делает оговорки, отмечая различия в семантике отдельных слов или приводя лексику, характерную только для какого-то определенного наречия (*al-luġa*). Отсутствие каких-либо диалектологических комментариев в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, объясняется общепонятностью и общеупотребительностью приводимых им слов, фраз или выражений (ДЛТ 2010. С. 48).

По-видимому, именно к таким общеупотребительным следует отнести и рассматриваемые ниже приветственные фразы, что также доказывается их бытованием в последующем в отдельных тюркских языках, принадлежащих к различным группам. Среди них и та формула, которая обнаруживает, судя по всему, наиболее четкое соответствие в древнерусской летописи.

Махмӯд ал-Қāшгарī приводит фразу *āsān mī sān?*, букв. ‘здоров ли ты?’, толкуя само слово *āsān* [*āsān*] как обозначение чего-либо благополучного (ар. *al-sālim*) (DLT. Cilt I. S. 77; EDT. P. 242; МК. Pt. I. P. 115; ДЛТ 2005. С. 109; ДЛТ 2010. С. 110; см. также: ДТС. С. 183). Слово *āsān* имеет основное значение ‘здоровый, невредимый’ (ДТС. С. 183), ‘in good health, sound; self’ (EDT. P. 242)³⁴. Оно также широко встречается как компонент личных имен (ДТС. С. 183; СИГТЯ 2001. С. 684; Rybatzki 2006. S. 176–177)³⁵. По мнению Г.Ф. Благовой, «Л[ичное] И[имя] *esān* типологически сопоставимо с болгарским Л[ичным] И[менем] *Здрава*» (СИГТЯ 2001. С. 684)³⁶. Предположительно слово считается заимствованием из среднеперсидского (пехлеви): < *āsān* ‘bien portant’,

³⁴ См. фонетические варианты и весь спектр значений в тюркских языках: ЭСТЯ 1974. С. 308.

³⁵ Ср., в частности, имя половецкого хана *Асень/Осень* (также в других орфографических вариантах) древнерусских летописей. См.: Rásonyi 1973. S. 82–83; Vásáry 2005. P. 39–40.

³⁶ Здесь сохранена орфография цитируемого издания.

‘happy’ (TMN II. S. 58; ЭСТЯ 1974. С. 308)³⁷, что как будто косвенно подтверждается ареалом его распространения в качестве компонента личного имени: Средняя Азия и Казахстан (туркм. *esen*, ккалп. *esen*, каз. *esen*, кырг. *işän, işan, ijsän, ijsan*, узб. *esän*), а также опосредованно связанные с ними, ввиду территории распространения языков кыпчакской группы, Поволжье, Урал (тат. *işän*, баш. *işän*, чув. *işän* (< тат.)) и Северный Кавказ (ног. *esen*) (СИГТЯ 2001. С. 684)³⁸.

Использование слова *äsän* в приветственных формулах, видимо, обусловило то, что в древнеуйгурских памятниках с территории Турфанского оазиса, производное имя *äsängü* (букв. ‘благопожелание’) стало использоваться как общий термин для обозначения любого рода посланий, как и слово *bitig* (‘письмо’), употребляемые по отдельности или вместе, в сочетании *äsängü bitig*, букв. ‘приветственное письмо, благожелательное письмо’ (“salutatory letter, greeting letter”) (Moriyasu 2011. P. 51–52, 57–58)³⁹. Письма являют собой отдельный жанр древнеуйгурских памятников, богатый комплекс которых включает буддийские, манихейские и христианские тексты самого различного содержания. В своей совокупности они датируются широким хронологическим диапазоном — со второй половины IX по XIV в. — и лишь некоторые могут быть датированы более или менее точно, исходя из содержания или же по лингвистическим признакам. Для настоящей работы это не имеет принципиального значения, важно то, что эти тексты дают широкое представление о характере приветственных выражений в другом ареале распространения тюркских языков.

Мориясу Такао, специально исследовавший вступительные формулы древнеуйгурских писем, отметил следующие сочетания, использующиеся для выражения вежливости при привет-

³⁷ См. также некоторые доводы против этой версии: Севортян 1974. С. 309, а также другие интерпретации: Rybatzki 2006. S. 176–177.

³⁸ Наиболее ранние случаи фиксации слова в тюркоязычных текстах связаны с памятниками древнетюркской рунической письменности. Возможно, это надпись на скале у р. Ак-Юс (Е 38, строка 5), на территории Хакасии, выполненная черной краской (Yıldırım, Aydın, Alimov 2013. S. 103–104). Более достоверная фиксация соотносится с рукописным текстом, известным как «Брк Битиг» («Гадательная книга»), где слово три раза (фрагменты XV, XXVII, XLII) отмечено в составе редуплицированного сочетания *äsän tükäl* ‘здоровый, невредимый’, ‘целый, неповрежденный’ (ДТС. С. 183), ‘safe and sound’ (EDT. P. 480), ‘sağ salım, sapasağlam’ (Aydın, Karaman 2019. S. 265), где *tükäl* — отлагольное имя со значением ‘complete, entire’ и т.п.

³⁹ См. также: Sertkaya 2012. S. 214–216.

ствии: *ädgü mü äsän mü?* ‘Are you in good health (hend.)?’; *köng(ü) li ädgü mü?* ‘Is your (lit. his) mind good?’; *jini jirik mü?* ‘Is your (lit. his) body light (unburdened)?’. Несмотря на то, что они, с точки зрения синтаксиса, представляют собой вопросительные выражения с конкретным показателем вопроса *mU*, они не подразумевают получения ответа, о чем свидетельствуют аналогичные формулы с местоимением *nätäg*, подразумевающим слабое сомнение, или иногда снабженные частицей *ärki*, выражающей надежду, что будет именно так: *köngülüng(üz-lär) ädgü mü?* ‘Is your mind good?’; *jining(iz-lär) jirik mü?* ‘Is your body light?’; *nätäg sän/sizlär?*, *nätäg ärür (siz)?* ‘How are you?’; *nätäg jarliqar ärki/siz?* ‘How is Your Lordship?’; *nätäg inč mü sän/siz(lär)?*, *nätäg inč mü ärki?*, *nätäg inč ärki sizlär?* ‘How are you keeping?’; *nätäg inč mü jarliqar ärki/mu?* ‘How is Your Lordship keeping?’⁴⁰. В более

⁴⁰ Слово *enč ~ inč* в данном случае обозначает ‘покой’, ‘спокойный’, ‘спокойно’ (ДТС, С. 173, 210), ‘tranquil, at peace, at rest’ (EDT. P. 171). Махмуд ал-Кашгарӣ дает значение ‘состояние довольства, удовлетворения, спокойствия; покой’ (*al-muṭmaʿinn al-sākin*) (DLT. Cilt II. S. 437; EDT. P. 172; МК. Pt. II. P. 374; ДЛТ 2005. С. 1067), в «Кутадгу билиг» (см. ниже) вычленяется ‘спокойствие, хорошее расположение духа, мир’/‘die Ruhe, Gemüthsruhe, der Friede’ (РСл. Т. 1. Ч. 1. Стб. 745). В контекстах среднеазиатского *тефсир* XIII в. (?), близкого к караханидско-уйгурскому языку, А.К. Боровков переводит это слово как ‘благо, имущество, собственность’ (Боровков 1963. С. 77–78), сэр Дж. Клосон — как ‘comfortable material circumstances’ (EDT. P. 172).

Сочетание слов *enč* и *äsän* составляет устойчивое выражение, зарегистрированное в ряде случаев (ДТС. С. 210). Ср. в другой последовательности составляющих элементов: *äsän enč elig tirilsü miñ jilīn* ‘в здравии (и) покое живет пусть правитель тысячу лет!’ (Arat 1947. S. 257). В древнеуйгурских буддийских текстах из Турфана конструкция *enč äsän*, как отметил сэр Дж. Клосон, также употребляется ‘at times even of slight illness and discomfort’ (EDT. P. 172). Интересен один из таких текстов, опубликованный Ф.В.К. Мюллером под индексом Т.Ш.М.182 (по новой каталогизации — U 9206), где в строках 8–9 содержится выражение *alyu tudači-lar-tin inč äsän qilzun mini*, что сам Ф.В.К. Мюллер перевел как ‘...Fängern Ruhe und Frieden schaffe mir!’, сэр Дж. Клосон — как ‘may he make me at peace and safe from all grasping (evil spirits)’ (Müller 1910. S. 64; EDT. P. 171–172). Этот фрагмент, как и большинство образцов древнеуйгурской буддийской литературы, представляет собой перевод канонических текстов с китайского языка, которые, соответственно, иногда могут быть идентифицированы. В данном случае речь идет о китайской версии гимна *Tathāgatoṣṣṇāsitatāpatre-apaṛāḷita-nāma-dhāraṇī*, известной по ксилографу Юаньской эпохи. Как и для другого фрагмента, под индексом Т. Ш. М. 231 (= совр. U 9208), Ф.В.К. Мюллер подобрал китайское выражение, калькой с которого стала рассматриваемая фраза: *юань во хо-дэ ань-вэй цзи-сян* 願我獲得安穩吉祥, что в его переводе выглядит как ‘wünsche ich Frieden und Glück zu erlangen’ (Müller 1910. S. 61, 64). В этом случае др.-тюрк. *inč* и *äsän* должны соответствовать кит. *хо-дэ* 獲得 [пиньин. *huò-dé*] «1) получить, добыть, приобрести; добиться;

поздних текстах появляются аналогичные по смыслу выражения только с глаголами в форме аориста, построенные по конструкции дизъюнктивных (разделительных) вопросов: *inč äsän bar/lärür ärki sizlär* ‘You are fine and healthy, aren’t you?’. Как указал японский исследователь, отмеченные выражения в различных комбинациях обычно следуют за приветствиями или даже в некоторых письмах вовсе не имеют никакой преамбулы (Moriyasu 2012. P. 8–11)⁴¹.

Употребление местоимений и форм глаголов 2-го лица в отношении адресата в форме как единственного, так и множественного числа обусловлено тем, что в первом случае фраза акцентирует внимание на конкретном человеке, к которому направлено обращение, во втором — просто воспроизводит формулу уважительного обращения. Еще больший оттенок уважения придает использование в отношении адресата форм 3-го лица. В то же время, наоборот, использование формы множественного числа со стороны адресанта в отношении себя добавляет некоторый оттенок самоуничижения (Moriyasu 2011. P. 64–66; 2012. P. 7).

Отмеченные формулы, каждая в отдельности, находят аналогии в других исторических текстах, а также в современных тюркских языках.

Одним из интереснейших источников, с точки зрения употребления приветственных формул, является памятник караханидско-уйгурского языка, поэма «Кутадгу билиг»

одержать, занять (какое-л. место); добыча... <...> 2) удалось, получилось» (БКРС. Т. 3. С. 1001, № 10313) и *ань-вэнь* 安穩 [пиньин. *ān-wěn/wen*] «(1) спокойный и надежный; безмятежный; 2) кроткий, мягкий (о характере, особенно женщины)» (БКРС. Т. 4. С. 1033, № 15403), но, по-видимому, изменены местами по сравнению с выражениями китайского текста, что лишний раз свидетельствует в пользу довода о существовании редупликационного сочетания, не изменяющего общего смысла при перестановке элементов.

В дополнении к китайско-уйгурскому словарю Минской эпохи «Гао-чан гуан-и шу» 高昌館譯書 сочетание *inč äsän* ‘спокойствие и здоровье’/‘Ruhe und Wohlsein’ (РСл. Т. 1. Ч. 1. Стб. 745, 76) написано *ānч äsän*), *raix*, *tranquillité*’ (Ligeti 1969. P. 12) передано соответствием *тай-нин* 太平, букв. ‘великое спокойствие; благоденствие; спокойный, тихий, мирный, безмятежный’ (БКРС. Т. 3. С. 645, № 8512).

⁴¹ Можно отметить, что сочетание вопросительной формулы *ädgü mü äsän mü?* и тех, что содержат вопрос *nätäg*, фиксируется уже в дуньхуанских документах IX–X вв.: Manuscris ouïgours 1986. Т. I. P. 116, 303 (21.4 (Or. 8212 (120): *nätäg sizlär? ädgü mü äsän mü?*), 137 (26.2 (Pellicot Ouïgour 12): *ädgü mü äsän mü? nätäg si[z]lär?*), 141 (27.4 (Or. 8212 (181): *ädgü mü äsän mü? nätäg [...]*); Т. II. P. 303, 311, 312 (фотокопии манускриптов). См. также: Manuscris ouïgours 1986. Т. II. P. 216 (глоссарий).

(«Знание [о том, как] сделаться счастливым»), завершенная старшим современником Махмұда ал-Қашғарӣ, Йўсуфом Хāсс Хāджибом ал-Бāласāгўнӣ, в 1069–1070 гг. Несмотря на то, что это сочинение было написано в обществе, уже испытавшем значительное влияние мусульманской культуры, отразившееся в том числе в заимствовании новоперсидской и арабской лексики, оно сохраняет ряд стандартных идиом, что позволяет составить представление о соотношении в конкретных контекстах тех или иных лексических единиц, тюркских и заимствованных, формально характеризующихся близким семантическим спектром. Три известных на сегодня списка сочинения, относящиеся к XIV–XV вв., содержат некоторые разночтения и частично испытали уже влияние языка поздних переписчиков, что, однако, для нас играет только положительную роль, поскольку отражает процесс замены отдельных лексем вытеснившими их соответствиями.

Разумеется, взаимодействие арабского и новоперсидского языков с тюркской средой не было одинаковым в различные исторические периоды и в различных регионах, и, соответственно, влияние каждого из них отразилось по-разному. Если новоперсидский оказал значительное влияние на синтаксис, то арабский язык дал гораздо большее число лексических заимствований. Арабская лексика, касающаяся многих сторон социальной жизни, тесно связанной именно с нормами исламской религии, представляла собой уже устоявшуюся, четко выстроенную систему. Каждая из составляющих ее единиц характеризовалась определенными границами семантического поля и устойчивой закономерностью в контекстуальном употреблении как по отдельности, так и в сочетании с другими словами (Bodrogligeti 1972. P. 355–358).

Прежде всего, в «Кутадгу билиг» мы видим вопросительную формулу приветствия со словом *āsān*. Примечательно, что она зафиксирована в составе письма, которое Кюнтогды пишет Одгурмышу. Здесь после преамбулы, где он уведомляет адресата о том, что это письмо приветствия (*sālām kōngül ajtu bitig*) от правителя (*elig*), он сообщает, что написал его с пожеланием умиротворения [*āsānlik üzā*, букв. ‘благополучия (~ мира, спокойствия, см. ниже) ради’]⁴², и спрашивает: *āsān bar mu?* (Arat 1947. S. 326; Berbercan 2013. S. 84), букв. ‘здоровье

⁴² Ср. аналогичную по содержанию формулу во втором письме Кюнтогды Одгурмышу: *sālāmin āsānlik üzā*, букв. ‘приветствия (и) благополучия (~ мира, спокойствия) ради’ (Arat 1947. S. 394; Berbercan 2013. S. 88).

(~ благополучие) [у тебя] есть ли?». В другой раз подобная фраза с *äsän* встречается несколько в ином контексте — когда Кюнтогды интересуется у Öгдюльмиша жизнью Одгурмыша: *enč äsän bar mi?*, букв. ‘покой (и) здоровье (~ благополучие) [у него] есть ли?’ (Arat 1947. S. 578).

Можно привести и другие примеры, показывающие употребление слова в пожеланиях. Так, в контексте наставления говорится: *äsän bol jana bolya altun kümüš*, букв. ‘здоров будь, (и) снова будут [у тебя] золото (и) серебро’ (Arat 1947. S. 136; ср.: ДТС. С. 183; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 889), и в другом месте — как пожелание правителю: *äsän enč tirilgil* ‘в здравии (и) покое живи’ (Arat 1947. S. 213; EDT. P. 242; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 889).

Для уяснения некоторых семантических трансформаций и понимания их историко-культурной обусловленности следует обратить внимание на длинную сентенцию Одгурмыша, отвечающего на вопрос Кюнтогды, почему он не поприветствовал (*sälām qıl-ma-*) его, где можно уловить контекстуальные различия между *sälām* и другими словами. Так, ср.: *sälām ol kişikä äminlik ämān / säläm qılsa ötrü emīn boldi žān*, букв. ‘приветствие это [есть] надежность и благополучие⁴³; / приветствие сделал [кто-то] если, потом защищенной стала душа’ (ср.: EDT. P. 161–162). Здесь *sälām* выступает именно как ‘приветствие’, другой арабизм *ämān* [< ар. *’mān*] — ‘благополучие, безопасность’⁴⁴, арабизм *emīn* [< ар. *’imīn*] имеет значения ‘надежный, верный’, ‘в значении сущ. верность’. ‘надежно, уверенно’ (ДТС. С. 75), ‘safe, secure’ (EDT. P. 161)⁴⁵. Далее еще *ämān berdi ärkä säläm qılıuçı*, букв. ‘благополучие/безопасность дал человеку приветствие желающий’⁴⁶. Сам же Одгурмыш не исполнил приветствия, по его словам, потому, что именно «большие» (*uluŷ*) властны приветствовать «малых»

⁴³ Ср. у В.В. Радлова по Гератскому списку, отразившему, скорее, особенности чагайтского языка, т.е. среднетюркского тимуридской эпохи (см.: Erdal 2004. P. 9): *салам ол кижидин кижигә аман* ‘Салам, это есть приветствие от человека человеку’/‘Salam ist ein Gruss vom Menschen zum Menschen’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643). Ср.: Arat 1947. S. 505, примечание к бейту 5056.

⁴⁴ Ср.: кирг. (= каз.), казан. тат., кр.-тат., осм., уйг. *аман* ‘здорово, в хорошем здоровьи’/‘gesund, wohl, bei Wohlsein’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643).

⁴⁵ Ср.: чар., сарт., куман., осм., уйг., караим. луцк. *ämin* ‘верный, наверно’/‘sicher, zuverlässig’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 954–955), казан. тат. *imīn* ‘безопасный, в хорошем состоянии здоровый и невредимый, как следует’/‘ungefährlich, unverletzt, sicher, bei gtern Wohlsein, wie es sich gehört’ (РСл. Т. I. Ч. 2. Стб. 1574).

⁴⁶ Ср.: ДТС. С. 41, где еще отмечено неточное значение ‘милость’, применительно к данному отрывку.

(*kiçig*), имея в виду, что последние ничего не могут обеспечить из того, что подразумевается под приветствием, и, соответственно, он, простолюдин (*qara*), ничего не может пожелать господину (*bäg*), потому что тот, как правитель, властен над всем (Arat 1947. S. 504–506; Çelepi 2015. S. 107–108)⁴⁷.

Фактически в «Кутадгу билиг» наглядно отражен не только процесс вытеснения тюркской лексики иноязычными, прежде всего арабскими, словами, но и также процесс семантической девальвации самих этих слов, в частности, сужение значения арабизма *salām*, ориг. ‘спасение, безопасность’ > ‘мир, спокойствие’ > ‘приветствие’ (van Arendonk, Gimaret 1995), до обозначения приветствия, пожелания благополучия, стабильного здоровья, процветания, пребывания в покое и безопасности — с отпадением изначальной семантики, связанной с этими понятиями, частично заложенной в тюрк. *äsän*⁴⁸. Последние как раз заменяются различными соответствиями из подобранных, согласно контекстуальному оттенку, слов или их сочетаний, среди которых также можно видеть ряд вызванных влиянием мусульманской культуры новообразований вроде *äminlik* (*ämin* + *lik*)⁴⁹ или, например, *äsänlik* ‘peace, safety’, соответствующего ар. *salām* как раз в этом значении (Bodrogligeti 1972. P. 361)⁵⁰. Кроме того, здесь можно наблюдать, как изменяется само восприятие приветствия с точки зрения этических норм (Çelepi 2015. S. 107, 108). Изменяется и назначение приветствия, формула

⁴⁷ Ср. стихотворный перевод С.Н. Иванова: Юсуф Баласагунский 1983. С. 381–382.

⁴⁸ Интересно, что в сагайском диалекте хакасского языка слово *ežän* фактически употребляется эквивалентно слову *salām* в других языках, что показывают контексты *ežän ner-*, *ežän al-* (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890) в сопоставлении с кр.-тат., казан. тат. *salam ber-/bir-*, *salam al-* (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 353).

⁴⁹ Ср. [чаг.] *äminlik* ‘надежность, верность’ (ДТС. С. 75), куман., уйг., караим. луцк., караим. трок. *äminlik* ‘безопасность’ / ‘Sicherheit’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 957), казан. тат. *imñlik* ‘безопасность, здоровье’ / ‘die Sicherheit, das Wohlsein’ (РСл. Т. IV. Ч. 2. Стб. 1575).

⁵⁰ Ср. разброс семантического спектра в других среднетюркских памятниках: Clauson 1972. P. 249; Радлов 1893а. Стб. 874. Как показал М. Эрдал, аффикс *+LXK* обладает функцией образования имен с абстрактным значением только в карахандско-уйгурских памятниках, в древнеуйгурских текстах лексические значения у подобных дериватов встречаются поздно и редко (OTWF. P. 126; Erdal 2004. P. 144, note 253). В частности, это приведенное исследователем (см. цит. работы) в одном из древнеуйгурских буддийских текстов *ençlik äsänlik*, переданное через абстрактное ‘well-being’ (ср. ‘...are well and happy’: Erdal 2004. P. 188), а К. Рехборном через ‘Mit-Wohlsein-und-Gesundheit-Sein’ (по выражению исследователя, “sogennanten deadjektivischen Abstrakta”) (Röhrborn 1995. S. 137).

которого подразумевает теперь именно пожелание благополучия, стабильности пребывания в нем или грядущих изменений, которые к нему приведут, но не подразумевает пребывания адресата в этом состоянии уже на момент произнесения приветствия, как это заложено в вопросительной формуле⁵¹.

Подобные разнообразные вопросительные формулы в качестве приветствий нашли широкое распространение в культуре тюркских народов. Кроме указанного выше в «Дүвән лугāt ат-турк» примера с *äsän*, можно, в частности, вслед за Т. Мориясу (Moriyasu 2012. P. 7–8) отметить зарегистрированный в том же источнике и находящийся параллели в древнеуйгурских текстах вопрос *köñül ěnc-mü?*, букв. ‘сердце спокойно ли?’ (DLT. Cilt II. S. 437; EDT. P. 172; МК. Pt. II. P. 374; ДЛТ 2005. С. 1067; см. также: ДТС. С. 210). Махмүд ал-Кашгарү отмечает также фразу *nätäg sän?*, букв. ‘как ты?’ (DLT. Cilt I. S. 392; EDT. P. 776; МК. Pt. I. P. 300; ДЛТ 2005. С. 371; ДЛТ 2010. С. 325; см. также: ДТС. С. 210). И, хотя тюркский филолог не дает никаких комментариев к этим двум случаям, из сравнительного материала по тем же древнеуйгурским памятникам ясно, что речь идет о приветственной формуле. В «Кутадгу билиг», когда излагается содержание второго письма Кюнтогды Одгурмышу, после формального приветствия автор вставляет фразу *nägü täg ärür sän?*, букв. ‘чему подобно есть (= существуешь) ты?’ (Arat 1947. S. 394; Berbercan 2013. S. 88), выражающую заинтересованность состоянием адресата. Как Решит Рахмети (Арат) в переводе «Кутадгу билиг», так и Бесим Аталай в переводе «Дүвән лугāt ат-турк» передали, соответственно, формулы *nägü täg ärür sän?* и *nätäg sän?* на турецком языке аналогичным по смыслу и содержанию выражением ‘Nasilsin?’. Как и наречие *nätäg*, образованное от местоимения *nä* и послелога, обозначающего

---

⁵¹ На интересное сообщение обратил внимание Мехмет Суруп Челепи. В кыргызском эпосе «Манас», когда Алманбет, принявший до этого ислам, заходит в юрту отца и приветствует присутствующих мусульманской формулой “*Asalau malikim!*”, никто не отвечает ему. Эти слова не были понятны его соотечественникам (Ögel 1993. S. 307; Çelepi 2015. S. 109). Надо думать, что заимствование иноязычных слов и выражений наиболее осязаемое влияние оказывало на литературный язык, как это видно из памятников караханидско-уйгурской эпохи, но не сказывалось на изменении в мировоззренческих установках широких слоев населения, в среде которых бытовали традиционные формулы приветствий. Точно так же это происходило в зонах наиболее тесного соприкосновения тюркоязычного населения с мусульманской культурой, каковой в случае с куманами-кыпчаками был, например, Крым (см. выше о «Codex Cumanicus»).

подобие, *täg* (EDT. P. 776), так и наречие *nasil*, отмеченное прежде только в староосманском, имеет составной характер: < *nä asil* (РСл. Т. III. Ч. 1. Стб. 675), где второй элемент — арабизм (Gülensoy 2007. S. 604; см.: ДТС. С. 60). Ср. в казахском языке *калаисыз?* ‘как Вы живете?’/‘wie befindet ihr euch?’ (РСл. Т. II. Ч. 1. Стб. 227).

Махмұд ал-Қашгарұ отмечает слово *ajtiš*, обозначающее явление, когда ‘два человека спрашивают друг друга о состоянии (самочувствии)’ (*huwa an yas'ala al-ražulān kull wāhid minhumā ḥāl al-āhar*), а также слово *ajtiy* как форму (*luğa fi*) предыдущего в значении ‘осведомление о здоровье и тому подобное’ (*al-istiḥbar 'an al-salāma wa naḥwihā*) (DLT. Cilt I. S. 113; EDT. P. 268; МК. Pt. I. P. 140; ДЛТ 2005. С. 141; ДЛТ 2010. С. 135; см. также: ДТС. С. 30). Обе формы образованы от глагола *aj(i)t-*, являющегося формой побудительного залога от *aj-* ‘говорить’ и обозначающей действие, которое можно передать как ‘позволять/просить/дать/заставить говорить/излагать/произносить’, и этот полисемантизм, соответственно, заставляет также отгораживать вторичные значения, исходя из различных оттенков экспрессивности: ‘спрашивать, обращаться с вопросом, расспрашивать’, ‘спрашивать, требовать ответа, призвать к ответу’ и др. (см.: ДТС. С. 29)⁵². В контексте, дающемся у Махмұда ал-Қашгарұ, надо полагать, речь как раз идет о той ситуации, когда люди обменивались формализованными вопросами о самочувствии, характеризовавшими приветствие.

Особый глагол, обозначающий приветствие, *äsän+lä-*, также зафиксирован у Махмұда ал-Қашгарұ, в контексте *ol māñä äsänlä-di*, что толкуется как ‘он поприветствовал меня и пожал мне руку’ (*ḥayyāni bi-taḥīya wa şafahani*) (DLT. Cilt I. S. 308; EDT. P. 249; МК. Pt. I. P. 250; ДЛТ 2005. С. 304; ДЛТ 2010. С. 266; см. также: ДТС. С. 30). Значение ‘приветствовать’ у глагола отмечается также и Ибн Муханны, но в других тюркоязычных памятниках (мамлюкско-кыпчакских, староосманских, чагатайских) он имеет значение ‘прощаться’ (EDT. P. 249–250; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). Ср. при этом отмеченную и в «Кутадгу билиг», а также в мамлюкско-кыпчакских и староосманских документах форму *äsän+lä-š-* (с реципрокальным аффиксом *-(X)š-*), обозначающую прощание (EDT. P. 250; РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890), ср., например, тел., алт. *äzānda-* ‘кланяться кому-либо’/‘Jemanden grüssen, ihm

⁵² Подробно см: OTWF. P. 182, 264, 764.

einen Gruss darbringen’, но *äzäндаш*- с обоими значениями (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 891, 892), и др. (см.: РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873–874, 890–892; Ч. 2. Стб. 1525, 1538).

Кроме отмеченных выше самых ранних случаев употребления слова *äsän* в древнеуйгурских и караханидско-уйгурских текстах, можно привести следующие подобные. В.В. Радлов отмечает слово *esän* как ‘здоровый’/‘gesund, wohl’ для староосманского языка, приводя контекст *äsän аман-мы сән?* ‘здоров ли ты?’/‘bist du gesund? Wie ist dein Befinden? Для кыргызского и казахского («киргизского») языков, где *esän* ‘здоровый, благополучный, в хорошем положении’/‘gesund, wohl, in gutem Zustande’, отмечается контекст *мал ыаның есәнмә?* ‘все ли (скот и души) у тебя здоровы?’/‘ist Alles (Vieh und Seelen) ber dir wohl?’ с пометкой «обычное приветствие»/«gewöhnlicher Gruss» (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). Ср. кырг. *эсен-аман* или *аман-эсен* ‘здоровый, благополучный’ в контексте *эсен-аман болдуңбу?* ‘хорошо ли ты себя чувствуешь?’, ‘ты уже поправился?’ (КРС. С. 466). Но также в обоих языках отмечена формула прощания *esän бол! esän аман!* ‘прощай!’/‘lebe wohl!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 873). В телеутском и алтайском, где *äzän* ‘здоровый’/‘gesund’ (в телеутском также имеет значение ‘здоровье, счастье’/‘die Gesundheit, Wohlfahrt’), отмечается контекст *äzän, äzänbä?* ‘как ты поживаешь?’/‘wie befindest du dich?’ с пометкой “Begrüßungsformel”, но также тел., алт. *äzän jakшы! äzän пол! äzän полбын!* ‘будьте здоровы! прощайте!’/‘lebet wohl! adieu!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 890). Наконец, можно отметить татарское *isän* ‘здоровый, в хорошем состоянии’/‘wohl, in gutem Zustande’ в контексте *isänmйсін?* ‘как ты поживаешь?’/‘wie geht es dir, wie befindest du dich?’, но также прощание *isän бул!* ‘прощай!’/‘lebe wohl’ (РСл. Т. I. Ч. 2. Стб. 1525). Вопросительную формулу с *äsän mi-* мы можем встретить в произведениях тюркского фольклора, в частности в шорском сказании «Алтын Сырык», казахском эпосе «Болат Жанат» и кыргызском эпосе «Манас», причем в последних двух она соседствует с мусульманскими формулами (Çelçeri 2015. S. 109, 110, 119).

Отмеченная мнимая противоположность значений приведенных выражений может восприниматься таковой лишь контекстуально, при формализованной интерпретации их смысла. Примеры употребления слов *äsän, say*, а также арабизма *ämän* (в соответствующих фонетических вариантах), самих по себе или в различных сочетаниях друг с другом, показывают, что в

контексте как приветствий, так и прощаний они употреблялись одинаково, будучи объединены общим значением пожелания здоровья и благоденствия (Keskin 2017. S. 134–135)⁵³.

Как уже отмечалось выше, приветственная фраза, представляющая в форме вопроса, является, скорее, стилистической фигурой, не подразумевающей необходимости какого-либо ответа на нее, и несет значение именно пожеланий, подразумевая не только наступление какого-то блага, но и наличие его у адресата на момент приветствия. В то же время содержащие те же слова фразы, употребляемые при расставании, снабжены глаголом *bol-* (вар. *ol-*, *bul-*), который выступает в форме императива; хотя морфологически он не оформлен показателем повелительно-желательного наклонения, его семантика подразумевает какие-то преобразования, которые должны произойти с объектом действия в ходе или в результате этого действия (Erdal 2004. P. 255, 276, 322–323).

Суммируя все сказанное, можно с определенной долей уверенности предполагать, что именно подобная вопросительная

---

⁵³ Отмеченный выше у Махмұда ал-Кāшгарū вопрос *āsān mū sān?* Б. Аталай перевел на турецкий язык при помощи выражения *‘sağ mısın?’* (DLT. Cilt I. S. 77), где тур. *sağ* ‘правый’, ‘здоровый’, ‘живой’, ‘невредимый’ восходит к др.-тюрк. *say* ‘здоровый, верный’, и, по-видимому, контаминируется также с гетерогенным омонимом ‘правый’ (в значении пространственной ориентации) (ЭСТЯ 2003. С. 134–136). Само это слово нигде не регистрируется в ранних памятниках в каком-либо контексте, связанном непосредственно с приветствием или прощанием. Сочетание *saw bol-*, впервые, видимо, отмеченное в «Codex Cumanicus», но лишь в составе изложения перевода проповеди (Codex Cumanicus 1981. P. 166): *saw bol-mas* в контексте *‘l’âme récheresse ne guérit pas’* (Drimba 1973. P. 247, 269). При этом другие случаи показывают, что в ряде тюркских языков семантика смещалась в сторону обозначения своеобразного предупреждения: ср. уйг. тел., алт., шор., саг., койб., кирг. (= каз.), казан. тат., куман., кр.-тат. *cak* ‘чуткий, чуткость’/‘wachsam, die Wachsamkeit’, при, например, тел. *cak бол!*, кр.-тат. *cak ол!* ‘бди!’/‘sei wachsam!’. Лишь в отдельных контекстах слово употребляется как часть пожеланий: ср. чаг., вост.-тюрк., осм., кр.-тат. *саб* ‘здоровый, нетронутый’ — в *саб сālāmāt ол!* (*саб ол!*) ‘будь здоров!’/‘lebe wohl!’ (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 239–240, 259), куман., кирг. (= каз.), казан. тат., тобол. *сау* ‘здоровый, трезвый’/‘gesund, nüchtern’, при кирг. (= каз.) *сау бол!* *esān сау бол!* ‘Будь здоров!’/‘bleibe gesund!’ (РСл. Т. IV. Ч. 1. Стб. 233). В татарском (*savbul*) и в туркменском (*sag bol*) языках можно увидеть, что эта формула используется как в качестве приветственной, так и в качестве прощальной (Keskin 2017. S. 134). Такой же пример имеется с отмеченным выше арабизмом *āmān*. Так, кирг. (= каз.) *аман* ‘здорово, в хорошем здоровьи’/‘gesund, wohl, bei Wohlsein’ регистрируется как в приветственных фразах *амансыңызмы?* ‘здоров ли ты?’/‘bist du gesund?’, *мал ыаның аманма?* ‘здорово ли все? (словесно: твой скот и твои души) у тебя дома?’/‘ist Alles (wörtlich: dein Viech und deine Seelen) bei dir gesund?’, так и прощальной *аман бол!* ‘прощай!’/‘leden wohl!’ (РСл. Т. I. Ч. 1. Стб. 643).

формула **äsän mü/mi/mä sän*?⁵⁴ могла бытовать в куманокыпчакской среде. Именно ее есть все основания разглядеть за процитированной древнерусским летописцем фразой половецких послов: «Прашаемъ здоровья твоего».

Правда, в рассмотренных тюркских приветственных формулах отсутствует глагол, который можно было бы перевести как *прашаемъ*. Напротив, именно этот глагол есть в процитированном выше послании Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу («прашаю, въ здоровьи ли еси»). Перед нами, по-видимому, некий гибрид оригинальной половецкой формулы и того, как о *здоровии* осведомились бы по-древнерусски. Однако уникальность этой формулы для Древней Руси, отсутствие других древнерусских примеров использования вопроса о здоровье в качестве приветственной формулы и, наоборот, наличие ярких тюркских аналогий заставляет думать, что древнерусский летописец воспроизвел реальное приветствие половецких послов. Или — выразимся осторожнее — он воспроизвел то, как во время переговоров приветствие половеццев *переводили* на древнерусский язык⁵⁵.

С точки зрения тюркологии это летописное известие важно потому, что оно предоставляет важное историческое свидетельство, позволяющее говорить о существовании общих черт речевого этикета в среде носителей тюркских языков в различных ареалах их распространения уже по меньшей мере в среднетюркский период, дополняя, таким образом, данные древнеуйгурских писем и поэмы «Кутадгу билиг». Для историка Древней Руси этот случай не менее важен, поскольку он наглядно показывает: кем бы ни был записавший данное известие летописец, когда и где бы он ни работал, он воспроизвел реальную половецкую приветственную формулу, а значит — ориентировался если не непосредственно на произнесенные в 1147 г. Василем Половчином слова, то, как минимум, на дипломатическую практику своего времени.

---

⁵⁴ См. примеры вопросительных фраз с частицей *mX* в различных фонетических вариантах в «Codex Cumanicus»: Drimba 1973. P. 13, 148–149.

⁵⁵ Надо думать, что представлявший половецв Василь Половчин, кем бы он ни был (см. примеч. 6), владел обоими языками. Другой, более известный пример того, что, говоря о взаимоотношениях с половецями, летописцы выбирали выражения, отражающие специфику этих отношений, — термин *рота* (языческая клятва); князь-христиане между собой *целовали крест* (Франчук 1988. С. 155–156; Щавелев 2006. С. 270).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аристов В. Ю.* Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 117–136.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. Т. 3: Иероглифы № 5165–№ 10745. М., 1984.
Т. 4: Иероглифы № 10746–№ 15505. М., 1984.
- Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тегсира XII–XIII вв. М., 1963.
- Вилкул Т. Л.* Политика консенсуса в киевском летописании XII в. // *Российская государственность: История и современность*. СПб., 2003. С. 56–62.
- Вилкул Т. Л.* Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття // *До джерел: Збірник праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Київ; Львів, 2004. Т. 2. С. 63–74.
- Вилкул Т. Л.* Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019.
- Гимон Т. В.* К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // *ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. М., 2018. С. 64–71.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
- Дашкевич Я. Р.* Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 100–111.
- Джаксон Т. Н.* От устной коммуникации к письменной: Ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // *ДГ, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма*. М., 2019. С. 169–195.
- ДЛТ 2005 — *Махмуд ал-Кайсарй*. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005.
- ДЛТ 2010 — *Махмуд ал-Кайсарй*. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). М., 2010. Т. 1.
- Древнейший список «Вопрошания» Кирика Новгородца по рукописи ГИМ. Син. № 132. XIII в. / Подгот. текста В. В. Милькова // *Кирик Новгородец и древнерусская культура*. В. Новгород, 2014. Ч. 3. С. 246–288.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. Избранные труды. М., 2017.
- Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.
- Зализняк А. А.* Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 82–122.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. (а)
- Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. (б)

- Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Капитанов С. М.* Древнерусские печати (Размышления по поводу книги В. Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 176–183.
- КЛ 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. 2-е изд. М., 2017.
- КРС — Киргизско-русский словарь (Кыргызча-оруча сөздүк). Фрунзе, 1985. Кн. 2: Л–Я.
- Лавренченко М. Л.* Устная речь и публичная коммуникация: К вопросу о княжеских речах Киевской летописи // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 165–169.
- Лавренченко М. Л.* «Братоучадо» Русской Правды и роль брата матери в домонгольской Руси // ДГ, 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018. С. 360–371. (а)
- Лавренченко М. Л.* Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek. Kraków, 2018. S. 155–177. (б)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей. М., 2013.
- Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай в XI–XIII вв. // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986 (впервые опубли.: 1946).
- Мецгерский Н. А.* [Рец. на кн.:] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986 // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 171–174.
- Мушар Ф.* Между братом и сыном: Об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 137–146.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- НГБ-ХП — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. Т. 12.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. (впервые опубли.: Харьков, 1899).
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996 (1-е изд.: Л., 1940).
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд.: Л., 1926).
- Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд.: СПб., 1908).
- Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950).
- Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004 (репринт изд.: М.; Л., 1949).
- РСл — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.
- Т. 1: Гласные, ч. 1–2. 1893.
- Т. 2, ч. 1. 1899.

Т. 3, ч. 1. 1905.

Т. 4, ч. 1. 1911.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.

Лексика. 2-е изд., доп. М., 2001.

СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003.

Т. 1–3. (1-е изд.: СПб., 1903).

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.

Франчук В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Франчук В. Ю. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 154–157.

Франчук В. Ю. Документальная основа летописи Изяслава Мстиславича // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 315–320.

Чугаева И. К. Чернігівське літописання XI–XIII ст.: Історіографічний міф чи історичне джерело? Чернігів, 2018.

Щавелев А. С. Съезд князей как политический институт // ДГ, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–290.

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983.

Alimov R. Divanu Lûgati't-Türk'e Göre Kıpçakların Dili? // Maḥmūd al-Kāşğari'nin 1000. Doğum Yıldönümü Dolayısıyla Uluslar arası Dîvānu Luğāti't-Türk Sempozyumu 5–7 Eylül 2008, İstanbul / The Dîvānu Luğāti't-Türk International Symposium: In Commemoration of Maḥmūd al-Kāşğari's 1000th Birthday 5th–7th September 2008, Istanbul. Ayırbaşım / Offprint. İstanbul, 2011. P. 147–158.

Arat R. R. Kutadgu Bilig. 1 Metin. İstanbul, 1947.

Arendonk C. van, Gimaret D. Salām // *EtP*. Vol. VIII. P. 915–918.

Aydın E., Karaman A. Eski Türk Yazıt ve El Yazmalarında İkillemeler // *Journal of Old Turkic Studies*. 2019. Vol. 3. №2. S. 259–286.

Berbersek M. T. Türk Yazı Dilindeki İlk Manzum Mektup Örnekleri // *Karatekin Edebiyat Fakültesi Dergisi (KAREFAD)*. 2013. Cilt 2. Sayı 1. S. 73–92.

Bodrogligeti A. Islamic Terms in Eastern Middle Turkic // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. 25. P. 355–367.

Codex Cumanicus. Budapest, 1981 (впервые опубли.: 1880).

Çelepi M. S. Halk Edebiyatı Metinlerinde Selamlaşma Sözcük ve İfadeleri // *I. Uluslararası Türk kültürü araştırmaları sempozyumu (TÜKAS 2014) bildirileri*. 12–13 Kasım 2014, Nevşehir. Nevşehir, 2015. S. 106–116.

- DLT — Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi. Ankara, 1985. Cilt 1, 2 (впервые опубли.: 1939–1940).
- Drimba V.* Syntaxe Comane. Bucureşti; Leiden, 1973.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Erdal M.A.* Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004.
- Golden P.B.* The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3–4. 1979–1980. P. 296–309.
- Golden P.B.* Cumanica IV: The Tribes of the Cuman-Qıpçaq // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. 9. P. 99–122.
- Golden P.B.* The Codex Cumanicus // *Golden P.B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Bucureşti; Brăila, 2011. P. 333–365 (впервые опубли.: 1992).
- Gülensoy T.* Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü : tarihi — yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi). Ankara, 2007. Cilt I (A–N).
- Keskin A.* Türk Kültüründe Selamlaşma ve Vedalaşma Hakkında Genel Bir Değerlendirme // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. Sayı 43. 2017. S. 125–146.
- Ligeti L.* Glossaire supplémentaire au vocabulaire sino-ouïgour du bureau des traducteurs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969. fasc. 1. T. 22. P. 1–49.
- MK — *Maḥmūd al-Kāshyārī.* Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Türk). Cambridge (Mass.), 1982–1984. Part 1–2.
- Manuscripts ouïgours du IXe–Xe siècle de Touen-Houang / Textes établis, trad. et commentés par J. Hamilton. P., 1986. T. 1–2.
- Moriyasu T.* Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 1) // Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University / 大阪大学大学院文学研究科紀要 [Ōsakadaigaku daigakuin bungaku kenkyūka kiyō]. 第51卷. 2011. P. 32–86.
- Moriyasu T.* Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 2) // Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University / 大阪大学大学院文学研究科紀要 [Ōsakadaigaku daigakuin bungaku kenkyūka kiyō]. 第52卷. 2012. P. 1–98.
- Müller F.W.K.* Uigurica II. (Mit 3 Tafeln) // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. B. Abh. 3, 1910. S. 1–110.
- OTWF — *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden, 1991. Vol. 1–2.
- Ögel B.* Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar). Ankara, 1993. 2. bk. I. Cilt. (впервые опубли.: 1989).

- Rásonyi R.* Kuman Özel Adları // Türk Kültürü Araştırmaları. 1966–1969. Cilt III–IV. Ankara 1973. S. 71–144.
- Röhrborn K.* Konversion von „Adjektiven“ im Alttürkischen // Beläk Bitig. Sprachstudien für Gerhard Doerfer zum 75. Geburtstag. Wiesbaden, 1995. S. 135–140.
- Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.
- Sertkaya O.* II. Dünya Savaşı esnasında Berlin Koleksiyonu’ndan kaybolan Eski Uygur belgelerindeki Hristiyan Uygur Türkleri’nin isimleri üzerine // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 2011. Cilt 43 (2010–2). S. 97–113.
- Sertkaya O.* Eski Uygur Mektupları Üzerine // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Cilt 44. Sayı 44. 2012. S. 209–228.
- TMN II — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1965. Bd. 2: Türkische Elemente im Neupersischen.
- Toprak F.* Divānu Luğati’t-Türk’te ‘Kıpçakça’ Kaydıyla Verilen Kelimelerin Tarihi Kıpçak Sözcüğü İçindeki Yeri // Türkoloji Dergisi. 2003. Cilt 16. Sayı 2. S. 79–102.
- Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.
- Yıldırım F., Aydın E., Alimov R.* Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara, 2013.

Timofey V. Guimon, Vladimir V. Tishin

A TURKIC GREETING FORMULA IN A RUS CHRONICLE:
POLOVTSIAN ENVOYS TO PRINCE SVYATOSLAV OLGOVICH IN 1147

S.a. 1147 the Rus *Hypatian Chronicle* reports the arrival of Polovtsian (Cumanic) envoys to Prince Svyatoslav Olgovich (from his Cumanic maternal uncles). The annalist quotes the direct speech of the envoys who say as follows: ‘We ask about your health. And when will you tell us to join you with our army?’. It is characteristic to the text of the *Hypatian Chronicle* for the 12th century (the so-called *Kievan Chronicle*, a text finally composed c. 1198 but based upon earlier annals) to quote ‘messages’ sent with envoys by Rus princes to each other, and sometimes by other parties such as, for example, kings of Hungary. Oral or written nature of those ‘messages’ has been much debated. In the case of the Cumanic mission oral ‘message’ is, of course, much easier to imagine. In any case, the authors believe that (at least in most of the cases although certainly not in all of them) the ‘messages’ quoted in the annals are not literary constructs, but, on the contrary, tend to represent real negotiations. The annalists could either quote real written messages, or record what had been pronounced orally, or imitate the

form of such envoys' speeches on the base of some general knowledge of what had been said, — but in any case their basic idea was to make a record of real political process. This view is based upon a series of observations made by Dmitry Likhachev, Andrey Zaliznyak, and Maria Lavrenchenko. The Cumanic 'message' in question also supports this view, as it represents (in Slavonic translation) a real Turkic greeting formula.

The interrogative phrase pronounced, according to the annalist, by the Polovtsian envoys, is in fact widely known in a number of Turkic languages. For the first time it was recorded by Maḥmūd al-Qāšġarī (in 1072–1074) as a greeting statement: “āsān mü sān?”, i.e. “are you in good health?”. Despite we do not have direct data on the greeting formulas that existed among the Cumanic tribes, we can rely on the fact that, according to Maḥmūd al-Qāšġarī, the phrase in question was generally understood and used by the speakers of different Turkic dialects. This is confirmed by the fact that a similar formula, like other ones found in the Maḥmūd al-Qāšġarī's *Dīwān*, was used in Old Uighur letters from East Turkestan (the 9th–14th centuries), and is also attested, in one form or another, in Turkic languages of different groups and geographic areas, including the languages of the Kypchak group, such as Kyrgyz, Kazakh, Altai, Teleut, Tatar. Like other similar greeting phrases, arranged in the form of questions, this one should be considered, rather, as a figure of speech, not a real question. Those were polite statements implying a wish of health and well-being. They should be considered as Common Turkic, being part of traditional speech etiquette.

Thus, the phrase by the Polovtsian envoys of 1147 is significant for both, students of turkology and of Old Rus. For the former, it demonstrates that there were features of speech etiquette common to different Turkic peoples, from the Cumans of the North Black Sea region to the Uighurs. For the students of Old Rus, this case demonstrates that 12th-century annalists tended to make a record of real negotiations including elements of diplomatic etiquette such as a greeting formula used in reality by foreign counterparts of a Rus prince.

Keywords: Old Rus, Polovtsy, Cumans, Polovtsy, Turks, chronicles, diplomacy, greeting formulas.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-267-296